

Опять зима

*ЕГОР
БУКИН*

Егор Букин

Опять зима

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70467754
SelfPub; 2024*

Аннотация

Я просто благодарен, я благодарен за все. Я чувствую эту гармонию, это принятие и смирение, и полностью отдаю себя во власть того, что происходит. Мне больше не нужно бежать ни в прошлое, ни в будущее. Меня больше нет вчера, и завтра меня тоже нет. Я есть только сейчас. И во мне нет ни жалобы, ни упрека, ни разочарования, ни боли, во мне только тихая нежность и светлая грусть – пусть все славится, пусть все будет свято.

Егор Букин

Опять зима

I

Affection

Я теперь чувствую, что каким-то неудобным клином врезался в Вашу жизнь. Если можете, простите меня за это.

А. И. Куприн, «Гранатовый браслет»

В марте снова началась зима.

Еще вчера таял снег, постоянно светило солнце, и воздух был пропитан тем тонким запахом надежды, который можно почуять только весной. Но сегодня весь день шел снег, большими хлопьями, но какой-то мокрый, неприятный, будто вместо весны мы вновь откатились в начало декабря. И небо, еще вчера ярко-голубое, совсем побелело, словно его и вовсе нет. Еще вчера казалось, что чувства поутихли, а сегодня я проснулся в пять утра и, пока пытался вновь уснуть, все видел Ее лицо и чувствовал, как кто-то сжимает мое сердце горячей рукой. Так и не уснул. Еще вчера казалось, что и мыслей о Ней стало меньше, но сегодня я почти не могу отвлечься от них. Я и вправду вернулся в начало декабря.

Наверное, я зациклился. Я повернулся на этом человеке. Кажется, что и чувств уже никаких не осталось, но я все-

пился в него и не хочу выпускать. А я для Нее – даже не друг. Всего лишь знакомый, от которого при случае будет легко избавиться. Просто временный этап. А я – вцепился, свихнулся, зациклился, потому что больше у меня никого не осталось... По ночам это чувствуется особенно остро.

Потому я так вцепился в Нее, хотя, конечно, стоило бы отпустить и вернуть все на круги своя. Я – знакомый. Я им и останусь. Если дальше этого меня не видят, если не хотят видеть дальше этого, то никогда и не увидят. Мне отказывали, мне отказывали не один раз, словно я какой-то прокаженный, но глупая надежда все еще жива, будто сердца умеют менять свое решение... По ночам эта глупая исступленная надежда, до которой я сам себя довел, совершенно срывается с цепи. На что я надеюсь? Я не знаю. Вернее, знаю, но это совершенно бессмысленно. Господи, почему я так зациклился на этом человеке, почему я на нем повернулся, зачем это все? Зачем?.. И почему это происходит после того, как все давно разрешилось не в мою пользу? Почему?..

Для чего я раздуваю эту крохотную искорку чувств? Если вдруг она вспыхнет, то что мне потом делать с этой любовью? Она же просто разорвет меня на части. Но тогда почему я так хочу ее вернуть? Почему я так хочу снова чувствовать эту обманчивую (поскольку безнадежную) легкость, эту воздушность и радость, когда человек рядом, пусть и он совершенно не твой, да и *никогда им не будет*. И почему от этой мысли сердце так жалобно сжимается, словно это не правда?

Почему оно хочет любить того, кого любить не надо? Почему оно всегда хотело только этого?..

II

Pistol

Я бесконечно благодарен Вам только за то, что Вы существуете.

А. И. Куприн, «Гранатовый браслет»

Промозглые дворы кутались в темноту. Вдали рычали машины, спешащие домой. Мимо пробежали редкие люди. Заложный от холода нос почти не дышал.

Я шел довольно быстро, но все равно успевал рассматривать городское небо – темное, беззвездное. Где-то по ту сторону, словно режиссер, наблюдающий за жизнью Трумана, сидел Бог и наблюдал за мной. Я смотрел ему прямо в глаза и с улыбкой шепотом благодарил за то в сущности немного, но столь много значащее для безнадежно влюбленного человека, что он мне дал: за те полчаса, что я провел наедине с Ней возле окна, дожидаясь пары, за Ее смех и улыбки, и за те десять минут, что шел только с Ней до остановки – пусть и разговор откровенно говоря не клеился, поскольку в Ее присутствии моя голова просто отказывалась генерировать идеи. Она вообще была пуста и ни о чем не думала. Ни о чем, кроме Нее.

Зима и правда началась снова, но с противоположным чувством. Я ощутил себя тем, кого никогда не понимал, ге-

роем произведения, которому никогда не верил, – Желтковым из «Гранатового браслета»... Я знаю, что мое чувство совершенно безнадежно, знаю, что *Она никогда не посмотрит на меня так, как я смотрю на Нее* (сердце, прекрати дергаться, ты знаешь, что это правда!), но в то же время я не хочу застрелиться, не мучусь так, как мучился всего месяц назад. Вместо этого я радуюсь светлому чувству и храню внутри себя... Я даже не убиваю его, не хочу от него избавляться. Я просто даю ему быть в той форме, в которой оно хочет быть. Конечно, мало веселья в том, что ничего у нас не выйдет, – очень мало, – но это по крайней мере терпимо. А если что-то можно терпеть, значит с ним можно жить. Но когда я вижу Ее улыбку и слышу Ее смех на свои реплики, то сразу забываю о том, что грусть вообще существует в этом мире. И уж тем более я забываю о такой мелочи как «безнадежные чувства». Никогда бы не подумал, что невзаимность может приносить что-то помимо боли.

Наверное, Бог меня понимает. Он любит всем сердцем и, хотя очень часто натывается на невзаимность и отрицание, – все равно продолжает любить, и всегда светлым, чистым чувством, которому плевать на все, хотя оно подчас совершенно безнадежно и никогда ни к чему не приведет.

Но на самом деле таить невзаимные чувства к человеку и не выказывать их (чтобы его лишний раз не тревожить) – весьма тяжелая работа. Почти всегда находишься в напряжении и натягиваешь поводья – не говори, не дотрагивай-

ся, не смотри, терпи, терпи, терпи – и отпускаешь эти поводы лишь в одиночестве, вечером, слушая Cigarettes After Sex или около листа – и то украдкой, чтобы никто не видел, да и чтобы самого себя не покалечить...

III

Heavenly

Жизнь могла бы быть прекрасной и для меня. Не ропщи, бедное сердце, не ропщи. В душе я призываю смерть, но в сердце полон хвалы тебе: «Да святится имя Твое».

А. И. Куприн, «Гранатовый браслет»

В зыбком контуре сна я видел Ее спину. Белая куртка, льющияся по плечам волосы, в солнечном свете казавшиеся позолоченными. Руки приближаются и складываются рупором у рта. Звуча не слышно, но Она оборачивается, чуть приглядывается и начинает улыбаться – ждет. Вот она ближе. Объятие. Тепло. Тепло... и камера отдаляется, уходит из глаз в воздух. Вижу свое пальто. Вижу себя, идущего позади. Она стоит в обнимку с другим. Она улыбается другому. Я иду, сжав кулаки и стиснув зубы. Подходя ближе, через силу здороваюсь. Она здоровается в ответ. Прохожу мимо. Устало разжимаю кулаки. Прохожу мимо. Мимо...

...и просыпаюсь. Сердце будто сильно сжимает чья-то грубая рука. Я смотрю в потолок и ни о чем не думаю, будто в голову набили ваты, – но даже среди этого я умудряюсь вылавливать то, о чем думать бы вовсе не стоило.

В последнее время я начал тяготеть к религии. Я всегда был верующим, но верил пассивно, не ходя в церковь, редко благодаря Бога и лишь читая «Отче наш» перед сном, как учила бабушка. Теперь же, день ото дня, во мне появляются смутные желания сходить в церковь – не чтобы унять тревогу или успокоиться, но чтобы раствориться в тайной молитвенной тишине, полной робких надежд, смирения, принятия и благодарности за то, что поселилось внутри меня и несмотря ни на что освещает жизнь. И мне совсем не стыдно записывать эти мысли, прикусив губу, потому что в глазах против воли скапливаются слезы, как толпа перед зрелищем, и совсем не стыдно не сдерживать их, находясь в церкви, чувствовать, как они медленно стекают по щекам, как глупые, неуклюжие создания.

Наверное, я никогда не понимал, что значит невзаимное чувство. Боль, тоска и обида на мир – всего лишь вершина этого айсберга, но если спуститься ниже, то окажется, что в этом сокрыто намного больше. Это и радость, в которой менее думающий человек сможет найти крохи счастья, и утешающая нежность, и хрупкая опора, и умирающая надежда, и каждодневная работа, у которой не вымолить отдых, и тихое, безнадежное, созерцание, – украдкой, – и остывающая аккуратность, и довольство мелочами, вроде редких встреч (даже среди других людей), и в центре всего – забота и поддержка, но уже молчаливые, забота издалека, которая про-

является в том, что стараешься не выказывать своих чувств, чтобы человека не тревожить, совсем-совсем робкие забота и поддержка, но готовые в любой момент сорваться с места, разбиться вдребезги, но помочь тому, для кого они живут...

IV

Apocalypse

Дай бог Вам счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожит Вашу прекрасную душу. Целую Ваши руки.

А. И. Куприн, «Гранатовый браслет»

Белый свет лампы покрывал стол. С улицы вливался ночной холод и отдаленный гул последних машин. Я смотрел в монитор и бегал пальцами по засаленным клавишам клавиатуры:

«...я совсем перестал говорить кому-либо об их существовании, даже своему личному психологу-другу Ване (помните его?) Несколько раз я хотел сделать это, но каждый раз стирал. Я действительно начал просто хранить это чувство в себе и почти никак его не проявлять – лишь наедине с собой. Это очень странно для меня. Но в любом случае я действительно испытываю радость от того, что возникло по отношению к Вам. Вы замечательная, правда замечательная. Поверьте, это говорят не первые слепые чувства, кружащие голову, а чувства, прошедшие через некоторое – пусть и небольшое – время, через Ваше сопротивление, Ваши отри-

дания и закрытия, в конце концов через Ваш отказ... Да, я понял, что Вы непростой человек, даже сложный, – хотя, конечно, Ваша сложность объясняется отчасти и моей персоне, – но все равно замечательный человек, которого я безмерно уважаю за те вещи, которых придерживаюсь сам. Вы – человек, с которым мне просто нравится находиться и общаться. Наверняка на это письмо Вы бы ответили то же самое, что сегодня на мой комплимент: «Нет, так говорить не надо», но в этих письмах я могу быть полностью откровенным и ничего себе не запрещать, ничего не бояться...»

Я дописал еще немного, поставил дату. Восьмое письмо. В них – то, что я писал Ей, но не отправлял. И никогда не отправлю. И сам не перечитаю. И вряд ли кому-то покажу.

«...по Вашим словам и жестам (особенно, когда Вы отдернули руку, хотя я брал ее вовсе не для этого – простите – тогда мне показалось, что я разбил что-то очень драгоценное и хрупкое) в общем, по всему я вижу, что точно никогда не понравлюсь Вам дальше друга, что я Вам не симпатичен, а может и противен. Я чувствую, – по крайней мере сейчас, – что Вы, – не печальтесь, не смущайтесь, – нужны мне, но я ничего, совершенно ничего не могу поделать с тем, что я для Вас всего лишь знакомый – даже не друг. Я просто никто. Может быть, я рано смирился и нужно быть мужчиной и идти до конца? Может быть, и правда радость дается только грубым, а нежным всегда дается печаль? Так и есть, но не думаю, что мужчина – это тот кто в этих делах прет

до самого конца, калеча и себя и возлюбленную. Мужчина – это тот, кто умеет принимать поражения и смиряться. Но все равно иногда, ночью, когда рушатся все границы и барьеры, выставленные днем, я, спрятавшись ото всех, достаю из глубин своего сознания крохотную, рахитичную надежду, подкрепляемую лишь одной Вашей улыбкой, лишь одним Вашим «спасибо», и тогда мне становится очень странно – паршиво, но в то же время очень приятно, темно и светло одновременно...»

Дописал еще несколько предложений. Девятое письмо. Ставлю дату, закрываю файл и отворачиваюсь от компьютера.

Ведь мы пишем друг другу сотни сообщений, но в сущности не становимся ближе ни на сантиметр. Хотя я-то приближаюсь и открываюсь, а Она того не хочет и, наверное, просто не может. И что бы я при этом ни чувствовал – это совершенно нормально, не доверять, не открываться, не рассказывать всего. И это никак не изменить как раз потому, что внутри меня живет нечто, с помощью чего Бог или больная голова шутит над нами – чувства, ставящие сотни преград в тех, у кого они не пробудились. Впрочем, что вообще такое близость? Может быть, простое, но почти каждодневное общение, переходящее в привычку, сближает больше, чем компания в головах друг у друга – просто не так заметно?

Встаю и подхожу к окну. Вдаль по шоссе убегает цепочка желтых фонарей, слева во мраке утопает церковь, спра-

ва, среди голых деревьев, потухший желтоглазый фонарь, который я некогда сравнивал с Ее волосами. Я закрываю окно. Тишина... Я открываю Ее фото на телефоне и смотрю. Тишина... Затем взгляд словно проходит насквозь; скользит куда-то, ни за что не цепляясь. Тишина... Мысли уносятся так далеко, что кажется, словно их вовсе нет.

И тишина прерывается.

Возникает лишь одна мысль, которую я шепчу в темноту: простите меня. Я понимал, что это совершенно не по-мужски, тряпочно, словно у меня вовсе нет гордости, но все равно повторял, потому что Ее спокойствие и радость стали для меня важнее любой гордости, повторял: простите меня за все – даже если Вы меня ни в чем не вините. Никто ни в чем не виноват в этой обычной ситуации, и все же: простите меня. За те неудобства, что я привнес в Вашу жизнь; за дискомфорт; за то, что Вам приходилось на все мои действия смотреть через призму чувства; временами за излишнюю напористость, за перегибы; за то, что однажды довел Вас до слез; за то, что несколько раз себя не сдерживал и касался больше, чем это положено меж друзьями; за то, что всегда хотел копаться внутри Вас, пытаюсь что-то там изменить – хотя на деле пытался помочь; простите за то, что пытался помочь, когда меня о том не просили; простите за то, что пытался помочь так неумело и неправильно; за то, что всегда требовал от Вас больше, чем Вы могли мне дать – и этим смущал, пугал, портил настроение, вынуждал закры-

ваться; за то, что постоянно спешил, забывая о том, что каждому человеку нужно свое время, чтобы раскрыться – или не раскрыться; за то, что вываливал на Вас свои идиотские чувства, хотя должен был молчать; за то, что из-за моей открытости о них узнали все остальные и наверняка постоянно это обсуждали; простите за то, что Вам приходилось читать все мои рассказы и стихи, в которых я просто пытался разобраться в том, что происходит – в себе и вокруг; за то, что вы волновались о моем состоянии; за то, что Вам приходилось себя в чем-то винить – хотя я никогда Вас ни в чем не обвинял и только славил; простите меня за чувство, которого не должно было возникать; за то, что я надеялся; простите меня за все, за все и еще раз за все, что Вам мешало жить в спокойствии. И простите за то, что я еще могу сделать – но я постараюсь совсем ничего не показывать.

– Простите меня, – шепчу я в конце, – простите...

И вдруг кажется, что больше нет ни прошлого, ни будущего, а есть только настоящее, со всеми радостями и скорбями, с ускользающим счастьем и липкой тоской, – но все-таки настоящее. И я стараюсь думать и гадать как можно меньше, хотя прекрасно понимаю, к чему в итоге приведет мое общение с Ней, прекрасно понимаю, что в итоге я Ее потеряю... Но все равно больше нет ни прошлого, ни будущего, а есть только настоящее, которому я отдаюсь со всем безрассудством и открытостью; настоящее, в котором я готов напиваться *любым* чувством допьяна, утопать в нем с ног до

ГОЛОВЫ.

Я выдыхаю и смотрю в окно, в котором смутно вырисовывается мой силуэт. Закрываю глаза. Ключьями вспыхивают смутные воспоминания: то ноябрьское объятие, после которого во мне что-то дернулось; первые робкие попытки начать общение в интернете; забавный спор на чашку чая, моя победа и то, как я пытался вернуть деньги за чай обратно Ей; троллейбус, где я осознал, что чувство начинает расти, искриться и переливаться, хотя я боялся поверить в то, что оно настоящее, постоянно сомневался; столовая, то, как Она окликнула меня и попросила дать салфетку, а я посмотрел на Нее и совершенно потерялся, перестал думать и никого и ничего не слышал; снова столовая, где я смотрел Ей в глаза и рассказывал что-то, и чувствовал, как из головы исчезают все мысли и потому приходилось замедлять речь, чтобы подобрать следующее слово; вечерняя замороженная улица, где я, переполненный упоительным чувством полета и *первым в жизни* счастьем, хотел броситься на тротуар и оросить его слезами радости, покрыть поцелуями; мои огромные сообщения, что я писал в приступе небоскрежной нежности, заливаясь слезами от переизбытка чувств; мои постоянные попытки как-то Ее подбодрить, как-то помочь – просто, чтобы Она улыбалась и только улыбалась; почти непереносимое чувство тоски от осознания того, что не увижу Ее целый месяц; наши переписки до трех часов ночи; мои оправдания в слезах, когда думал, что сделал что-то не то, хотя на де-

ле Она просто решила пошутить, поиздеваться, «позаразничать» – мое осознание ситуации и смех; Ее полноценный отказ, мои шествия по ночным улицам, сидение на занесенной снегом лавочке в парке; вернувшееся одиночество; нападки Тени; алкоголь; смирение, принятие, переключение, Она; переписки с объяснением, как я себя чувствую; Она; мое тряпочное предложение дружить; Ее волшебные волосы, Ее не менее волшебные глаза – и те и другие меняются в зависимости от света и – возможно, кто знает? – от настроения; руки, тонкие пальцы, совсем рядом с моими; Ее улыбки и смех, в ответ на мои реплики; то, как в коридоре я сказал Ей: «Стой» и резко заглянул в глаза, чтобы убедиться в их цвете, Ее смех и оттого пожар внутри меня; то, как Она легонько бьет меня по плечу, чтобы я не говорил того, что лучше не слышать остальным, находящимся в нескольких шагах от нас, моя улыбка и смех при этом; остановка поздней переписки, потому что по голосовым сообщениям слышу, как она хочет спать; Ее улыбки и Ее смех...

Вдох. Выдох. Открываю глаза. В груди тепло. И я улыбаюсь, пока перед глазами еще маячат обрывки воспоминаний.

Нет, пожалуй, зима закончилась. Началась весна. Мне становится легче дышать. Все могло быть иначе, будь я чуть более закрытым, не проявляй я чувства так небезопасно и так уничтожающе, что однажды довел Ее до слез своими конечными огромными сообщениями, но я живу душа нараспашку и, хотя каждый раз из-за этого мучусь, продолжаю гнуть

эту линию. И возможно однажды, когда я совсем исчезну из Ее жизни, Она откроет те сообщения, перечитает их и поймет все от слова до слова, поймет каждую букву, пропитанную чувством. Может быть, тогда Она улыбнется, более не испытывая никакого дискомфорта, и скажет: «Черт, как же сильно я ему нравилась, как же сильно я была ему нужна». Улыбнется и, преисполненная нежности и любви, отправится к тому, у кого получилось. И пусть они будут счастливы. Пусть все будут счастливы. И когда-нибудь и я перечитаю все наши разговоры, перечитаю большие сообщения и скажу: «Вот что такое нежность», ведь все, что я знал до Нее оказалось неправдой, Она показала мне другую сторону чувства, светлую, высокую, хотя и безнадежную.

Я слушаю космически-нежную по звучанию Apocalypse,¹ глубоко вдыхаю холодный воздух и на выдохе начинаю улыбаться. Смотрю на купола, тонущие во мраке. Отче, думаю я, когда моя жизнь успела превратиться в сентиментализм... Господи, думаю я утирая слезливые глаза, при этом улыбаясь, что же это такое, что же ты со мной наделал. За эти несколько месяцев в моих глазах стояло больше слез, чем за всю жизнь, а счастливые – и вовсе появились впервые. Боже Всевышний, думаю я, ведь я ни о чем не жалею; теперь я даже ни о чем не прошу; я благодарен за все, за этот опыт, открывший во мне множество новых вещей, я благодарен тебе за Нее, благодарен за то, что Она все еще есть в моей жизни.

---

¹ Песня Cigarettes After Sex

ни, но скажи мне, что же это происходит и к чему это происходит, куда несет меня рок событий... Но я продолжаю улыбаться. Apocalypse играет пятый раз. Я закрываю глаза, и все тонет, делается ненужным. Я чувствую только радость, какое-то странное чувство очищения и легкую, но приятную усталость, будто после большого дела.

Мне кажется, что больше нет ни прошлого ни будущего. Ни о чем не жалеть и ни на что не надеяться; не бегать за Ней, стараясь выловить момент для разговора или просто нахождения рядом; не завидовать, если Она с кем-то обнимается; не хотеть, чтобы все вокруг исчезли и мы остались вдвоем; не убиваться, если не получается затеять разговор и мы идем молча; не навязываться насилу, а просто быть рядом – так близко, как меня подпускают; искренне пытаться помочь, подбодрить, развеселить, когда кажется, что это очень нужно, но не печалиться, если Она того не хочет; не отчаиваться от осознания того, что из-за моей же глупости Она все воспринимает через призму моих чувств, не отчаиваться, что знание человека о чувствах другого разрушает все; не ломаться, если Она не хочет что-то рассказывать, потому что не может открыться; не думать, что все могло быть иначе, не думать о том, что Она просто не пробовала и все бы могло получиться; наслаждаться тем, что дается; благодарить за то, что дается; умеренность и только умеренность; не требовать от другого сердца больше, чем оно может мне дать; не требовать от другой головы никаких перестроек, если она сама

того не хочет; не верить в чудеса; не задавать вопросов бессловесному миру; просто быть; просто общаться с Ней; просто быть; полное принятие и полный мир.

Я продолжал слушать Apocalypse. И в уме слагался диалог, тихий, томный, личный, какие бывают только ночью:

– Ведь что бы ты ни говорил, во всем будет подтекст. Что бы ты ни говорил – в Ее глазах ты всегда будешь влюблен. Может быть, Она и думает, что ты общаешься с Ней только из-за этого. Любое твоё действие объясняется только так. Она вынуждена соблюдать правила, чтобы не отдалить тебя и не приблизить одновременно. Она ведь наверняка почти ничему не верит. Посмотри, до чего ты Ее довел.

Я со светлой грустью улыбнулся и качнул головой.

– Что я могу с этим сделать? Ничего. Я могу только сказать, что это лишь полуправда. Не все можно объяснить этим. Уже не все. Далеко не все. Я могу лишь быть открытым и говорить все так, как есть. Она сама решает, как это воспринимать.

– Самому-то не надоело?

Я коротко усмехаюсь.

– Мне никогда не надоест чувствовать.

– Ты же понимаешь, насколько ограничиваешь Ее поведение? Она же сто раз подумает, что и как сделать, чтобы не давать тебе надежду. Ведь она даже давно перестала заигрывать с тобой.

– Надежда всегда связана с будущим, именно поэтому

сейчас ей нет места в моей жизни. Верит Она тому или не верит, но я ни на что не надеюсь. И что бы Она ни делала – я ни на что не надеюсь.

– Надо же, как сильно можно вогнать себя в зону дружбы. Я коротко усмехаюсь.

– Да пошел ты. Впрочем, так оно и есть.

– И чего же ты тогда хочешь?

– Чтобы Она чувствовала себя хорошо и свободно, чтобы улыбалась, чтобы не загоняла себя мыслями, чтобы настоящее, в котором Она живет, приносило только радость и комфорт, чтобы...

– ...а что *ты* хочешь?

– Я хочу жить сейчас. Просто чувствовать то, что могу чувствовать в данный момент; делать то, что делается в данный момент; думать о том, что происходит сейчас, а не о том, что было, и что может быть. Радоваться тому, что дает мне Бог, радоваться тому, что дает мне Она и не пытаться вырвать больше положенного. Умеренность и только умеренность.

Я улыбаюсь. И ведь такой стиль жизни я открыл только благодаря Ней. За одно это я должен молиться за Ее здоровье и счастье.

Будь что будет. Я не прощаюсь с Ней (хотя конечно для воплощения первых желаний должен сделать это), я лишь прощаюсь с будущим и прошлым и приветствую настоящее, в котором почти никогда не жил. Я славлю его, благодарю его

за то, что происходит и за то, что есть. И славлю и благодарю Ее за все то, что Она дает.

Я просто благодарен, я благодарен за все. Я чувствую эту гармонию, это принятие и смирение, и полностью отдаю себя во власть того, что происходит. Мне больше не нужно бежать ни в прошлое, ни в будущее. Меня больше нет вчера, и завтра меня тоже нет. Я есть только сейчас. И во мне нет ни жалобы, ни упрека, ни разочарования, ни боли, во мне только тихая нежность и светлая грусть – пусть все славится, пусть все будет свято.

Отныне есть только настоящее. Только весна. Есть только то, что дается. И я за это благодарен, несмотря ни на что.

А что будет завтра – лучше или хуже – не все ли равно?

«...краснею при воспоминании о моей дерзости... когда Вам я осмеливался писать глупые и дикие письма.... Теперь во мне осталось только благоговение.... Я умею теперь только желать ежеминутно Вам счастья и радоваться, если Вы счастливы. Я мысленно кланяюсь до земли мебели, на которой Вы сидите, паркету, по которому Вы ходите, деревьям, которые Вы мимоходом трогаете... У меня нет даже зависти ни к людям, ни к вещам. Еще раз прошу прощения, что обеспокоил Вас длинным, ненужным письмом. Ваш... покорный слуга».

А. И. Куприн, «Гранатовый браслет»

05.03–17.03.24